

На льду больше десятка человек выстроились «драконом», положив руки на плечи впереди идущих. «Голова» дракона, Е Мян, постепенно ускорялся, скользя всё быстрее и быстрее по самому внешнему кругу вдоль снежной стены. Те, кто был потрусливее, испуганно визжали, но большинство подбадривали их свистом и криками — вокруг царило веселое оживление.

Лу Личжэн смотрел на это, разинув рот от восторга. Вся его душа уже унеслась туда, пристроившись в самый хвост колонны, чтобы повеселиться вместе со всеми. Вдруг шедший посередине парень на полтакта отстал от общего шага, и длинный «дракон» мгновенно разорвался надвое. Хвостовая часть с грохотом повалилась на лед: человек семь-восемь покатались кубарем. Лу Личжэн невольно ойкнул, а затем громко расхохотался вместе с толпой на улице.

— Лу Личжэн!!!

Лу Личжэн опомнился и испуганно вжал голову в плечи. Учительский стол стоял прямо перед ним, и доктор Сюэ, вытаращив глаза, сердито сверлил его взглядом; его усы гневно топорщились, а одноклассники, опустив головы, едва сдерживали смех.

— А ну-ка марш в угол!

Понутив голову, Лу Личжэн поплелся к задней стене класса. Сидевший за последней партой ученик по имени Ван Лянь скорчил ему гримасу и со злорадством прошептал:

— Так тебе и надо!

Сидевшие рядом с Ван Лянем тихонько прыснули. Лу Личжэн одарил их свирепым взглядом, но поделать ничего не мог.

С тех пор как они, ученики из Двора Цинань, перевелись сюда, они постоянно сталкивались с отчуждением. Избалованные отпрыски столичной знати задирали нос так высоко, что и думать не желали о том, чтобы принять их в свою компанию, — они вообще не удостаивали их даже взгляда. Ученики из Цинаня делали вид, будто им все равно, но разве могло это не задевать их за живое?

Кто бы мог подумать, что после недавней заварушки он сблизится с Е Мян — предводителем Двора Цижуй! Время от времени Е Мян присылал ему через слуг всякие диковинные безделушки и угощения. Хотя об этом парне и ходила дурная слава, к нему он относился на редкость тепло. Зная, что Лу Личжэн обожает танхулу — засахаренный боярышник на палочках, — Е Мян превратил снеговика во дворе Цинань в импровизированную мишень: каждый вечер после уроков в него по кругу втыкали ярко-красные лакомства. Снеговик выглядел комично и мило, став местной достопримечательностью Двора Цинань.

Сам он столько съесть не мог, поэтому делился с одноклассниками, но эти неблагодарные люди, уплетая его угощения за обе щеки, всё равно исходили завистью и злобой.

Накатавшись на льду, Е Мян повёл Вэй Аньюаня, Ли Чжао и остальных в терем Цуйхуа выпить имбирного отвара. На морозе они изрядно вспотели, и простудиться сейчас было бы очень некстати. Е Мян не питал доверия к уровню медицины в древние времена, а потому предпочитал беречь здоровье заранее.

Жуань Юньшэн, обхватив руками пиалу, беззаботно рассмеялся:

— И что, тебя во Дворе Цинань вот так просто выставили за дверь несолоно хлебавши?

Е Мянью и сам чувствовал досаду, поэтому раздраженно бросил:

— А что мне оставалось делать? Стоило нам встретиться, как я тут же оказался в невыгодном положении. Мне что, нужно было на колени перед ним встать и ругаться?

Жуань Юньшэн ещё немного посмеялся, а затем, покачав головой, произнес:

— Титул князя Жуннань ему пожаловали буквально на днях, и надо же было тебе первому на него напороться. Но почему он не пошел учиться в Государственную академию Тайсюэ вместе с принцами, а заявился к нам, в Императорскую академию Гоцзысюэ?

Ли Чжао, высунув язык от жгучего имбирного отвара, вставил:

— Отец говорил, что старшая принцесса Жунью подала прошение о даровании титула Чжуан Сюю ещё несколько лет назад, но император всё это время держал его под сукном и не давал ход делу.

— И почему же?

— Да всё из-за старой обиды.

Жуань Юньшэн с пониманием кивнул, а вот Е Мянью был не в курсе, поэтому любопытствовал:

— А что за история?

Вэй Аньюань терпеливо принялся объяснять:

— В свое время среди всех детей покойного императора старшая принцесса Жунью, рожденная законной супругой, была его любимцей. Но когда пришло время выбирать мужа, она уперлась: подавай ей сына торговца солью из Цзиньлина, которого она видела всего раз в жизни. Разве мог покойный государь с этим смириться? Сколько бы ей ни предлагали знатных, образованных и красивых молодых людей из благородных семей, она всех отвергала. В конце концов император уступил, однако этот безродный выскочка обнаглел настолько, что отказался ехать в столицу, чтобы стать супругом принцессы. Вместо этого он потребовал, чтобы принцесса сама переехала к нему в Цзиньлин. Разгневанный император хотел казнить наглеца, но старшая принцесса Жунью словно обезумела: она простояла на коленях перед дворцом двое суток и грозилась покончить с собой.

Е Мянью слушал это, словно занимательный роман, и, прищелкнув языком, спросил:

— И что было дальше?

— Ну а дальше она уехала в Цзиньлин, где для неё построили резиденцию принцессы. Вот только этот поступок разбил сердца покойному императору и вдовствующей императрице. Через несколько лет государь тяжело заболел и скончался. Вдовствующая императрица возложила всю вину на супруга принцессы. Нынешний император — единоутробный брат старшей принцессы Жунью — разумеется, долго не решался одобрить её просьбу о даровании титула Чжуан Сюю, чтобы не гневить мать.

— Но почему же его вызвали в императорский дворец несколько дней назад и сразу пожаловали титул князя?

Вэй Анъюань в недоумении покачал головой:

— Ему не просто пожаловали титул князя с именем Жуннань, но и выделили богатые земли, ничуть не хуже, чем у императорских сыновей, с правом на доходы от пяти тысяч дворов.

— Ого! — поразился Ли Чжао. — Какая щедрость! С чего бы вдруг? Прежде их на дух не переносили: отец говорил, новогодние подношения из Цзиньлина дворцовая канцелярия каждый раз отсылала обратно. И вдруг такая великая милость?

Е Мянью подпер щеку рукой и почесал гладкий подбородок:

— А вы помните, за какие заслуги император выделил моего брата, когда тот предстал пред его светлые очи?

— Ещё бы не помнить! — Ли Чжао хлопнул ладонью по столу. — Неужели этот Чжуан Сюй и вправду так хорош собой, как поговаривают, и может сравниться с господином Дуаньхуа?

Все мгновенно оживились. Даже Вэнь Сюнь, который до этого увлеченно уплетал сладости, отложил лакомство и уставился на Е Мянью, сгорая от любопытства.

Е Мянью нахмурился, размышляя, и нехотя признал:

— ...Если судить по внешности, пожалуй, он не уступает.

Лица друзей удивленно вытянулись. Будучи близко знакомыми с Е Мянью, они несколько раз видели Е Цина и прекрасно знали, какой неопишуемой красотой тот обладал. Если уж Е Мянью признал, что тот «не уступает», то на князя Жуннань действительно стоило взглянуть.

Вдруг Е Мянью о чем-то подумал и прыснул со смеху:

— Кто бы мог подумать, что вся императорская семейка так падка на красивую внешность! Если смазлив лицом — тебе простят что угодно. Посмотрите, как нынешний император благоволит моему брату и Чжуан Сюю, и вспомните, как старшая принцесса Жунью вцепилась в своего цзиньлинского муженька!

— Тсс! — Ли Чжао в испуге шутливо зажал ему рот ладонью. — Да замолчи ты ради всего святого!

Хотя сегодня Е Мянью с позором выставили из Двора Цинань, отчего он был крайне раздражен, к вечеру его обида улетучилась — на глупости просто не оставалось времени. Завтра в Императорской академии Гоцзысюэ намечался декадный экзамен, и ему предстояло зубрить всю ночь напролет!

Как гласит народная мудрость, перед боем и ржавое оружие наточить не грех! Исходя из богатого опыта прошлой жизни, Е Мянью знал: к экзаменам на заучивание достаточно подготовиться за двенадцать часов до начала. За счет кратковременной памяти пусть и не ответишь блестяще, но уж точно не провалишься. Правда, сразу после сдачи всё вылетает из головы без следа...

Раз хозяин не ложился, служанкам Двора Баофэн тоже было не до сна. Свечи заменили на толстые, с младенческую руку шириной, способные гореть до самого утра. В курительницу насыпали благовония с добавлением мяты для бодрости, а на кухне оставили дежурить двух младших служанок, чтобы горячий чай и ночные закуски подавались без задержек.

Накинув старый шелковый халат из кэсы, Е Мянью с предельно серьезным видом восседал за письменным столом. Его лоб украшала широкая алая повязка, на которой черными нитками по его просьбе Баохэ вышила надпись: «Сдам любой экзамен».

Глубокой ночью старшие служанки в комнате уже засыпали на ходу. Они по очереди проверяли светильники и подливали чай, а свободная в это время ложилась подремать на кушетке.

Баохэ, прикрывая рот ладонью, сладко зевнула и, склонив голову на плечо Баосюэ, прошептала:

— Как думаешь, откуда у нашего молодого господина столько сил?

Баосюэ посмотрела на своего юного хозяина, который увлеченно бубнил под нос, покачивая головой в такт заучиваемым строчкам, и лишь бессильно вздохнула.

Рано утром следующего дня Е Мянью с темными кругами под глазами сел в экипаж. Настроение у него, впрочем, было бодрым и даже слегка возбужденным. В прошлой жизни с ним творилось то же самое: перед экзаменами его так переполняла энергия, будто он выпил десяток банок энергетика. В свое время он читал статьи, где специалисты утверждали, что легкое волнение и прилив сил перед испытанием помогают лучше соображать, поэтому он так и не избавился от этой привычки.

Первым предметом на каждом декадном экзамене всегда шла проверка на знание текстов наизусть. Этим правилом Е Мянью был доволен больше всего: результаты ночной зубрежки еще свежими держались в памяти.

Атмосфера на декадных экзаменах в Императорской академии Гоцзысюэ была поистине пугающей. Едва ученики Двора Цижуй собрались вместе, как инспектор дисциплинарной палаты тут же погнал их к месту проведения испытаний. Перед входом бросали жребий. Им выпал класс под номером «Удин». Е Мянью вместе с остальными воспитанниками Цижуя и двух других классов, вытянувших тот же номер, вошел внутрь.

В каждой экзаменационной комнате находилось по пять экзаменаторов. Двое из них были присланы специально из Ведомства ритуалов для надзора. Они восседали на почетных местах, важно поглаживали бороды и выглядели крайне сурово, не позволяя себе даже тени улыбки.

Инспектор дисциплинарной палаты объявил о начале экзамена, и в помещении воцарилась гробовая тишина. Ученики по очереди подходили к экзаменаторам, которые наугад выбирали отрывок из книги и требовали его продолжить.

Если во время ответа ученик запинался слишком надолго или не мог продолжить даже после одной подсказки экзаменатора, ему присуждали низшую оценку, что означало провал. Экзаменаторы не только без всякого снисхождения заносили это в личное дело ученика, но и приказывали инспектору дисциплинарной палаты хорошенько отлупить нерадивого линейкой по ладоням.

Неслыханный позор!

После того как в самый первый раз Е Мянью прилюдно выпороли так, что у него слёзы брызнули из глаз, он больше не осмеливался легкомысленно относиться к заучиванию текстов.

<http://bllate.org/book/18289/1753825>